

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.1.55>

Талызина Елена Викторовна

"МОМЕНТЫ ВЕЧНОСТИ": ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ТРАКТОВКИ ТЕМЫ ПРИРОДЫ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ РИЧАРДА ДЖЕФФРИСА И ЭДВАРДА ТОМАСА

В статье анализируется влияние писателя XIX в. Ричарда Джеффриса на творчество британского литературного критика и автора нехудожественной прозы Эдварда Томаса, который стал поэтом во время Первой мировой войны. Рассматриваются общие для обоих писателей воззрения на природу и место человека в ней, которые можно назвать "мистическим агностицизмом": несмотря на неверие обоих в сверхъестественное, природа для них была источником духовных откровений; оба в сельском пейзаже видели отражение всей долгой истории взаимодействия человека и природы. Показано, как преемственность взглядов этих двух авторов выражается в их произведениях.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2019/1/55.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2019. Том 12. Выпуск 1. С. 262-266. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2019/1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

памяти, свято чтимым многими ирландскими и ирландскими англоязычными писателями. Отсюда и возникает образ героини, идеальной домохозяйки, словно из прошлого столетия, который не может не вызывать понимания и сочувствия со стороны читательской публики. Экспериментаторский характер писательницы проявляется не только в демистификации, но и в использовании ею приемов, являющихся принципиально новыми для ирландской литературы. Рекламный дискурс, интенсифицированный мотивом безумия, введенным в образ героини, сочетает в себе приемы монтажа и коллажа. Прием эпифании, «потока сознания» модернизируется Э. Энрайт и создает сюрреалистическую атмосферу.

Список источников

1. **Bracken C.** Queer Intersections and Nomadic Routes: Anne Enright's "The Pleasure of Eliza Lynch" [Электронный ресурс]. URL: <http://www.jstor.org/stable/41757552> (дата обращения: 23.10.2018).
2. **Cahill S.** "A Greedy Girl" and "A National Thing": Gender and History in Anne Enright's The Pleasure of Eliza Lynch // Irish Literature: Feminist Perspectives / ed. by P. Coughlan and T. O'Toole. D.: Carysfort Press, Ltd., 2008. P. 203-222.
3. **Campbell M.** Behind the name: the etymology and history of first names [Электронный ресурс]. URL: <http://www.behindthename.com> (дата обращения: 23.10.2018).
4. **Deane S.** A Short History of Irish Literature. L.: Hutchinson & Co, Ltd., 1986. 282 p.
5. **Ellmann R.** James Joyce. N. Y.: Oxford University Press, 1982. 887 p.
6. **Enright A.** Diary [Электронный ресурс]. URL: <https://www.lrb.co.uk/v33/n04/anne-enright/diary> (дата обращения: 23.10.2018).
7. **Enright A.** The Portable Virgin. L.: Vintage, 2004. 119 p.
8. **Hansson H.** Anne Enright and postnationalism in the contemporary Irish novel [Электронный ресурс]. URL: <http://www.jstor.org/stable/j.ctt1wn0rxk.16> (дата обращения: 23.10.2018).
9. **Kennedy M.** Freeing The Smothered (M)other: The Refocalisation of the Reluctant Mother in Modern Irish Society as Evinced through the Works of Anne Enright [Электронный ресурс]. URL: http://www.otherness.dk/fileadmin/www.othernessandthearts.org/Publications/Journal_Otherness/Otherness_Essays_and_Studies_3.2/The_Smothered_Mother_-_Michelle_Kennedy.pdf (дата обращения: 23.10.2018).
10. **Longman Dictionary of Contemporary English** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ldoceonline.com> (дата обращения: 23.10.2018).
11. **Shumaker J.** Uncanny Doubles: The Fiction of Anne Enright [Электронный ресурс]. URL: <http://www.jstor.org/stable/20558015> (дата обращения: 23.10.2018).

**THE IMAGE OF MARY: MYTHOLOGEME AND MYTHONYM OF "HOLY MARY"
IN ANNE ENRIGHT'S CREATIVE WORK (BY THE EXAMPLE OF THE STORY "THE PORTABLE VIRGIN")**

Sayfullina Milyausha Nazimovna

*Academic Lyceum named after N. I. Lobachevsky, Kazan
Scarlett_08@list.ru*

The article is devoted to analysing the artistic originality of the story "The Portable Virgin" by the modern Irish English-speaking authoress Anne Enright. The paper focuses on studying the mythologeme and mythonym of "Holy Mary", which are realized implicitly and explicitly in the story. The author identifies the means to represent Mary-wife's and Mary-mistress's image and discovers the ways to actualize the mythologeme and mythonym of "Holy Mary". The writer's specific techniques contribute to the deconstruction of the Saintess's traditional image and the formation of another, cardinaly new, image in the Irish national worldview.

Key words and phrases: Anne Enright; story; image; holy Mary; mythologeme; mythonym; ways of representation.

УДК 821.111

Дата поступления рукописи: 23.11.2018

<https://doi.org/10.30853/filnauki.2019.1.55>

В статье анализируется влияние писателя XIX в. Ричарда Джеффриса на творчество британского литературного критика и автора нехудожественной прозы Эдварда Томаса, который стал поэтом во время Первой мировой войны. Рассматриваются общие для обоих писателей воззрения на природу и место человека в ней, которые можно назвать «мистическим агностицизмом»: несмотря на неверие обоих в сверхъестественное, природа для них была источником духовных откровений; оба в сельском пейзаже видели отражение всей долгой истории взаимодействия человека и природы. Показано, как преемственность взглядов этих двух авторов выражается в их произведениях.

Ключевые слова и фразы: Ричард Джеффрис; Эдвард Томас; тема природы; «сельская» традиция; преемственность; эко-история.

Талызина Елена Викторовна

*Самарский государственный технический университет
elanor68@mail.ru*

**«МОМЕНТЫ ВЕЧНОСТИ»: ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ ТРАКТОВКИ ТЕМЫ ПРИРОДЫ
В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ РИЧАРДА ДЖЕФФРИСА И ЭДВАРДА ТОМАСА**

Британский поэт Эдвард Томас (1878-1917), при жизни известный как литературный критик и автор биографий и популярных книг о природе и сельской жизни, погиб на Западном фронте Первой мировой войны.

Тем не менее его поэзия и другие произведения до сих пор не утратили актуальности. На его творчество значительное влияние оказали взгляды писателя Ричарда Джеффриса (1848-1887), особенно в том, что касается природы и взаимоотношений человека с ней.

Томас познакомился с произведениями Джеффриса в раннем возрасте. Лет до пятнадцати они, наряду с книгами других «натуралистов», составляли основу его «читательской диеты» [1, р. 19].

Томас, уроженец Южного Лондона, в пору его детства имевшего ещё наполовину сельский вид, с юных лет интересовался природой. Вместе со школьным товарищем он исследовал окрестности, наблюдал за жизнью птиц и зверей, собирал птичьи яйца [19, р. 9, 16]. А во время каникул в Суиндоне (Уилтшир), у бабушки со стороны отца, «исправившийся» браконьер «папаша» Аззелл (Uzzell) продолжал посвящать юного Эдварда в тайны природы и сельской жизни.

Окрестности Суиндона были «краем Джеффриса» [13, р. 1] – там он, сын мелкого фермера, родился в деревушке Коут (Coate). В семнадцать лет он стал репортёром местной газеты и постепенно превратился в профессионального литератора. По мнению раннего биографа Томаса, Джона Мура, Джеффрис был не слишком хорошим писателем, но он описывал сельскую жизнь со знанием дела до мельчайших подробностей, что было редкостью в то время [8, р. 11]. Джеффрис стал для юного Эдварда героем. Он зачитывался «Браконьером-любителем» (“The Amateur Poacher”), т.к. эта книга полностью отвечала его интересам, она стала для него чем-то вроде Библии [Ibidem, р. 10]. В свои тетради он переписывал её заключительные слова: «Давайте же выйдем из этих узких современных дней, где двенадцать часов несколько сократились, на солнечный свет и чистый ветер. Нечто, что древние считали божественным, всё ещё можно найти и почувствовать там» [3, р. 240] (перевод здесь и далее автора статьи. – Е. Т.). Они стали для подростка «своего рода мантрой» [2, р. 39] и даже «кредо» [9, р. 13]. Как пишет тот же Дж. Мур, шестнадцатилетний Томас ценил «Браконьера-любителя» выше поэзии Байрона, Шелли и Китса, и именно эта книга пробудила в нём «желание писать» [8, р. 11]. Примерно в этом возрасте Эдвард уже вёл дневник, где описывал свои естественнонаучные занятия, а также загородные прогулки [Ibidem, р. 10]. Впоследствии, в эссе “How I Began” («Как я начинал»), он признавался, что, начиная с шестнадцати лет, он каждую неделю упражнялся в различных описаниях, стараясь подражать стилю «Браконьера-любителя» Джеффриса [11, р. 18]. Исследователи отмечают, что Джеффрис оказал значительное влияние на Томаса как на начинающего писателя [2, р. 101; 8, р. 11], прежде всего в том, что касается точности наблюдений. Особенно оно заметно в юношеской книге природных зарисовок Томаса “The Woodland Life” («Лесная жизнь») [7, р. 199]. Это влияние Томас пронёс через всю свою жизнь [2, р. 101].

Несколько раз Э. Томас обращался к образу героя своей юности. Летом 1895 г. Эдвард совершил «памяничество» к месту рождения Джеффриса [1, р. 24] и поделился своими впечатлениями в эссе «По следам Ричарда Джеффриса», которое было напечатано в журнале «Нью-Эйдж» 2 апреля 1896 г. под его полным именем Филип Эдвард Томас [18, р. 27]. В 1907 г. Томас получил заказ написать критическую биографию Джеффриса [19, р. 141], которая была издана в 1909 г. и до сих пор считается лучшей [2, р. 39]. В том же году вышел посмертный сборник эссе Джеффриса “The Hills and the Vale” («Холмы и дол») с предисловием Томаса.

Исследователи признают, что даже в зрелые годы Томас до некоторой степени идентифицировал себя со своим былым кумиром. Например, Уильям Кук пишет: «В его позднейшей критической биографии, когда мы читаем о “язвительном” отце Джеффриса, о его “нежной, беспокойной, меланхоличной” матери, очевидно, что юношеское восхищение Томаса переросло в самоидентификацию» [1, р. 25].

Оба писателя использовали сходные тропы. Так, в рассказе Томаса «Художник» из сборника “Light and Twilight” (букв. «Свет и сумерки») появляется образ полёта стрижа: «...как если бы стрела и лук вылетели вместе» [12, р. 133]. Тот же образ повторяется в его стихотворении “Haymaking” («Сенокос»): “The swift with wings and tail as sharp and narrow / As if the bow had flown off with the arrow” [14, р. 95]. / «Стриж с крыльями и хвостом такими острыми, / Как если бы лук вылетел со стрелой».

Однако похожее сравнение встречается в «Браконьере-любители» при описании охоты на зайцев: «Прекрасное зрелище – видеть, как гончие бегут по дёрну; жилистая спина сгибается, как лук, но лук, который вместо стрелы стреляет собой» [3, р. 100]. (В этом заметны и различия между авторами: Джеффрис в юности увлекался охотой, Томас же никогда охотником не был, зато очень пристально интересовался птицами.)

В биографии Джеффриса Томас приводит его фразу: «Изогнутый месяц висел на небе, как охотничий рог на стене» [13, р. 219]. Её же он цитирует в своём стихотворении “The Penny Whistle” («Свистулька»):

“The new moon hangs like an ivory bugle
In the naked frosty blue...” [14, р. 50]. /
«Полумесяц – рог слоновой кости
В стылой синей вышине...».

Некоторые стихотворения Томаса вызывают ассоциации с отрывками из прозаических произведений Джеффриса. Например, “Tears”, где у автора наворачиваются слёзы на глаза при виде смены караула в Тауэре, ассоциируется с предложением из “The Story of My Heart” («Повести моего сердца») Джеффриса (которое, кстати, Томас цитирует в критической биографии): «Так тонка струна жизни, что иногда вид марширующих войск... вызывает слёзы у меня на глазах» [6, р. 128-129].

В качестве источника стихотворения “The Gallows” («Виселица»), где “keeper” (лесник частного владения, отвечающий за дичь, егеря) расправляется с «врагами» дичи (прежде всего, фазанов) – лаской, вороной и сорокой – и вешает их на дубовый сук [14, р. 129], Эдна Лонгли указывает прозаическую зарисовку из книги Томаса 1906 г. “The Heart of England” («Сердце Англии») [Ibidem, р. 307]. Называется она «Воскресенье»,

и в ней авторское «я» во время воскресной проповеди в сельской церкви во сне видит каждого из паствы в самой подходящей для того обстановке. Например, сквайр стоит под суком, на котором висят убитые лесные обитатели: сороки, вороны, сипухи, неясги, ласки, горностаи и т.п. [16, р. 193]. Там же находится лесник (егерь), стреляющий в соек [Ibidem]. Однако и стихотворение, и зарисовка невольно вызывают в памяти пятую главу «Браконьера-любителя» – «Лесные сумерки: изменники на виселице». В ней авторское «я», подросток, в отсутствие лесника-егеря (“gamekeeper”) тайком пробирается в частный лес, где видит сарай, к задней стенке которого прибиты многочисленные ласки и горностаи, а к торцу – «более благородные изменники» [3, р. 89] (птицы): вороны, сороки, сойки, представители семейства совиных [Ibidem, р. 88-90] (список почти идентичен приведённому в зарисовке Томаса). В заглавии «виселица» называется “gibbet”, но в самой главе употребляется слово “gallows”. (Трудно определить авторское отношение Джеффриса к этому зрелищу: с одной стороны, присутствуют элементы любования, с другой же он называет его “slaughter” – «резня», «бойня» [Ibidem, р. 92]; для Томаса же его «Виселица», написанная, как и вся поэзия этого автора, во время войны, становится символом кровопролития.)

По мнению Эндрю Моушена, именно Джеффрис определил тематику произведений Томаса [9, р. 100]. Обоих причисляют к «сельской» традиции английской литературы [7]. Но также писателей сближает некоторая общность мировидения, особенно в том, что касается отношения к природе.

В зрелые годы у Джеффриса сложилась система взглядов, не вполне типичная для викторианской эпохи, особенно для писателя «сельского» направления. Свою «философию» наиболее полно он выразил в «Повести моего сердца» (1881 г.), своеобразной духовной автобиографии. С одной стороны, он скептически относится к эволюционной теории Дарвина («В природе не больше эволюции, чем замысла» [6, р. 137]). А с другой – не верит в присутствие божественной силы ни в природе [Ibidem, р. 70], ни в человеческом обществе [Ibidem, р. 147], так как в понимании людей божество – это «чистейший Разум» [Ibidem, р. 70], а ни в жизни людей, ни во всей Вселенной, как полагал Джеффрис, нельзя обнаружить и следа «руководящего интеллекта» [Ibidem, р. 147]. По мнению У. Дж. Кита (Keith), агностицизм писателя явился результатом наблюдения «жестоких фактов природы» [7, р. 140] в родном Уилтшире. Однако и науку Джеффрис не считает истиной в последней инстанции («Разум должен быть связан догмами науки не больше, чем догмами суеверия» [6, р. 162]) и предчувствует, что «есть бесконечное количество знаний, которые ещё предстоит постичь» [Ibidem, р. 186]. Похожая мысль завершает позднее эссе “The Dawn” («Рассвет»), когда он сомневается в простоте устройства Вселенной [5, р. 311].

Томас же, будучи «тем нередким типом, строгим агностиком и эволюционистом» [10, р. 93], тем не менее, благодаря увлечению своего отца позитивизмом [Ibidem], тоже не признавал непогрешимости суждений науки и сомневался в окончательности её «догм». Так, в небольшой брошюре «Деревня» (“The Country”) он говорит устами персонажа, что наука так же преходяща, как и вера в ведьм [15, р. 2]. Как и Джеффрис, он думает, что человечеству пока известно далеко не всё. Например, в книге “The South Country” («Южный край») читаем: «Как действительно мало мы знаем о делах земли, не говоря о вселенной; о времени, не говоря о вечности» [17, р. 26].

Глава IV «Повести моего сердца» содержит размышление об отсутствии чего-либо человеческого в природе [6, р. 61], что человеческий разум и Вселенную нельзя «подогнать» друг к другу никоим образом [Ibidem, р. 69]. Вывод: человек – «особый», «отдельный» [Ibidem, р. 70].

В этом размышлении У. Дж. Кит видит отчуждение агностика от природы, которое неизбежно должно последовать, когда рвётся триада «Бог-Человек-Природа» [7, р. 143]. Томас же в критической биографии Джеффриса, называя такой взгляд писателя «чудовищным» [13, р. 189], наоборот, считает, что это заключение совпадает с «древнейшим открытием богословов» [Ibidem, р. 190] об уникальном месте человека в мироздании. Но, в отличие от них, по словам Томаса, в обособлении Джеффрис видит надежду [Ibidem], призывая человечество к самосовершенствованию [Ibidem, р. 303].

Что касается отчуждения от природы, то, по мнению Э. Моушена, Томас тоже чувствовал обособленность человека «от остальных созданий» [9, р. 143], что, например, выражено в прозаической зарисовке “The Poppies” («Маки») из «Сердца Англии», в котором автор на рассвете видит поле, покрытое цветущими маками: «До них не было и пятидесяти ярдов – они были в знакомом месте – и всё же между ними и мной вздымались высокие стены, мрачно глядели непроходимые рвы, такой странной была их красота... Не совершил ли я проступка против содружества всего живого, что я не был принят как равный этим цветам?» [16, р. 79-80].

Однако в позднем эссе “Nature and Eternity” («Природа и вечность»), связанном по тематике с «Повестью моего сердца» и, по мнению Томаса, более соответствующем как духу лучших образцов человеческой мысли, так и мировоззрению Джеффриса в целом [13, р. 191], писатель заявляет прямо противоположное: что люди являются «неотъемлемой частью... великого сообщества живых организмов, будучи неразрывно связаны с ним тысячей уз» [5, р. 299]. Томас пишет о «ясновидении» Джеффриса, «которое замечало во всех формах жизни одно содружество, один закон, одну красоту» [13, р. 194]. Ему самому тоже не чуждо такое видение. В своих прозаических произведениях он неоднократно упоминает о «содружестве» (“commonwealth”) всех форм земной жизни и неразрывной связи человека с ним [13, р. 157; 17, р. 146].

В конечном итоге агностицизм становится чем-то позитивным: готовностью взять на себя ответственность за свою судьбу, человечество [6, р. 182], окружающую среду (так, по словам Томаса, Джеффрис высказывался о защите дикой природы на Темзе [13, р. 155]) и всю жизнь на Земле [17, р. 144]. По своим взглядам на природу оба писателя, скорее, опередили большинство своих современников. У. Дж. Кит считает, что мировоззрение Джеффриса гораздо ближе к XX в., чем к его времени [7, р. 140]. Э. Лонгли называет «экоцентризм» творчества Томаса «провидческим» [14, р. 23].

Но что особенно сближает этих двух писателей, так это, цитируя Томаса, “moments of everlastingness” («моменты вечности», стихотворение “The Other”, «Другой», [Ibidem, p. 42]) – моменты своего рода духовного откровения, данные природой, постижения непреходящих истин, заключённых в ней. Джеффрис, несмотря на неверие в сверхъестественное в общепринятом смысле этого слова, по словам У. Дж. Кита, не утратил веры в «потустороннее»; в «трансцендентном» видении природы, в неукротимом желании обнаружить за ней непознаваемое, сравниться с ним, пожалуй, мог бы лишь Вордсворт [7, p. 138] (см., например: «...я молился, чтобы суметь прикоснуться к невыразимой сущности бесконечно выше божества» [6, p. 6]). Сам Джеффрис в «Повести моего сердца» пишет: «Глубоко напившись небесами вверху, и чувствуя чудеснейшую красоту дня, и вспоминая старое, старое море... я погружался в бытие или существование вселенной» [Ibidem, p. 9]. Комментируя эти слова, Томас говорит, что «это было нечто вроде религиозного экстаза, страстного требования и частичного осуществления состояния единства с мировой душой» [13, p. 59].

По мнению У. Дж. Кита, Джеффрис ближе всего по духу к писателям начала XX в. Д. Г. Лоренсу (1885-1930) и Луэлину Пауису (1884-1939), в частности, всех троих можно назвать людьми «религиозными», несмотря на отвержение личного божества [7, p. 140]. Томас не религиозен, он никогда не принимал «пантеизма» Джеффриса [2, p. 101], однако в произведениях обоих писателей прослеживается некая преемственность видения природы.

Томас считал Джеффриса мистиком и неоднократно упоминал о «космическом сознании» последнего [5, p. XXVII; 13, p. 43, 182]. Свой же опыт духовных откровений он признавал неохотно и не хотел, чтобы его самого называли мистиком, однако такие откровения, моменты слияния с «мировой душой», судя по всему, были ему знакомы. Самое известное эксплицитное свидетельство такого рода – это рассказ “The Stile” («Перелаз»), где рассказчик (авторское «я») прощается с другом после заката июльского дня у перелаза через живую изгородь. Потом автор внезапно чувствует: «Где-то... я был причислен к бессмертному обществу, где я, и поэт, и влюблённый, и цветок, и облако, и звезда были равны... И в этом обществе я узнал, что я – нечто, чего не может затронуть никакая судьба... нечто непобедимое, нечто, чего нельзя отделить от тёмной земли и светлого неба, сильный гражданин бесконечности и вечности... Я узнал, что ни я не могу обойтись без Бесконечного, ни Бесконечное без меня» [12, p. 51].

Оба чувствуют, что в сельском пейзаже, на который наложило отпечаток многовековое сосуществование человека и природы, присутствует некий “genius loci” (букв. «дух местности», лат.), освящающий привычный, часто далёкий от грандиозности ландшафт, придавая ему неизъяснимую прелесть. Оба автора выражают его если не одними и теми же словами, то, несомненно, в едином ключе, как будто это писал один человек. Так описывает его Джеффрис: «Это, возможно, лишь фантазия, однако я думаю, что там, где человек и природа существовали бок о бок с незапамятных времён, есть ощущение присутствия, гений места, постоянная сладость и прелесть, которую нельзя найти больше нигде» [7, p. 128]. Интерпретация Томаса почти идентична: «Дух места, весь этот собор времени, и Природы, и людей, обогащает воздух оттенком, более глубоким, чем летняя синева дали» [17, p. 13].

Джеффрису природа являет в едином миге всю «эко-историю» (слово, употребляемое Э. Лонгли; см., например, [14, p. 23, 251]) Земли. В главе I «Повести моего сердца» солнечный свет даёт почувствовать автору земную жизнь многих тысячелетий и неразрывную связь времён, ощутить себя частицей мироздания: «Сезострис на древнейших песках юга в давние, давние дни, осознавал себя и солнце. Этот солнечный свет соединял меня через века с тем прошлым сознанием...» [6, p. 14]. Далее он говорит, что видел всю «последовательность жизни» вплоть до времён древовидных папоротников и динозавров [Ibidem, p. 19].

В одной же из своих ранних книг, “The Gamekeeper at Home” («Егерь в домашней обстановке»), писатель даёт более мрачную версию присутствия истории в ландшафте: как бы ни был прекрасен край, трудно найти хоть акр земли, не запятнанный кровью. Вспоминая кровавые схватки былых времён до «топоров саксов» [4, p. 67], он заключает: «Везде под цветами – мёртвые» [Ibidem].

Оба этих видения истории в ландшафте: солнечный свет, соединяющий современность с древнейшими временами, и свидетельство былых вспышек насилия и жестокости – объединены в стихотворении Томаса “Digging” (букв. «Копка», втором под этим названием). В нём авторское «я» закапывает две глиняных трубки: одну свою, солдата Великой войны (к тому времени Томас поступил на военную службу), а другую – возможно, солдата-участника войны за Испанское наследство (незадолго до того Томас писал по заказу биографию герцога Мальборо). Эти реликвии лежат лишь немного ближе к поверхности земли, чем кости древних людей, которые «когда-то смеялись или рыдали в том же самом дневном свете» [14, p. 99].

Томас называл свою поэзию «квинтэссенцией» своих прозаических книг [8, p. 326]. Действительно, его стихи сжато и часто имплицитно продолжают темы, затронутые в прозаических произведениях. Тема «духа местности», например, отражается в таких стихотворениях, как «Сенокос» и «Усадьба-ферма» (“The Manor Farm”), в которых века как будто концентрируются в едином миге. Его поэзия является выражением более зрелого мировоззрения, однако, как можно увидеть в вышеприведённых примерах, в ней заметны следы влияния творчества Джеффриса.

Но более всего ассоциируется с мировидением Джеффриса стихотворение “The Brook” («Ручей»), где авторское «я» наблюдает за своей маленькой дочерью, которая плещется в ручье прекрасным летним днём. В частности, можно заметить несколько параллелей с главой III «Повести моего сердца», в которой автор описывает свои давние прогулки к холму с курганом, где в доисторические времена был погребён некий воин, и размышления о времени и вечности [6, p. 37]. Сам ручей, чьи воды “never vanish and forever travel” [14, p. 96] («никогда не исчезают и всегда движутся»), вызывает в памяти образ ручья-времени из этой главы:

«Я вынимаю руку [из ручья] и течение – время – ручья для меня не существует...» [6, р. 44]. Также можно вспомнить книгу – «Фэнтези» Джеффриса “Wood Magic” («Лесная магия»), в которой ручей наставляет мальчика Бивиса (отрывок цитирует Томас в биографии Джеффриса): «То, что прошло, случилось ли это секунду или тысячу лет назад, всё едино; между тобой и прошлым нет подлинного разделения... Теперь нет такой вещи, как время. Мир не стар, он так же юн, как и всегда» [13, р. 160].

В стихотворении мухоловка на заборе и авторское «я» сидели

“...as if we had been there since
The horseman and the horse lying beneath
The fir-tree-covered barrow on the heath,
The horseman and the horse with silver shoes,
Galloped the downs last” [14, р. 96-97]. /

«...как если бы мы были там с тех пор, / как всадник и конь, лежащие под / покрытым пихтами курганом на вересковой пустоши, / всадник и конь с серебряными подковами, / проскакали по холмам в последний раз».

Всадник, погребённый в кургане, ассоциируется с погребённым в кургане воином из начала той же Главы III (см. выше). Кажущаяся концентрация многих веков в одном мгновении переключается со словами после рассуждения о времени-ручье: «Я теперь в вечности... для меня теперь человек, погребённый в кургане, жив, как жив я. Мы оба в вечности» [6, р. 45].

В стихотворении есть и лексические параллели с главой III. Так, например: “...down upon the dome / Of the stone the cart-horse kicks against so oft / A butterfly alighted” [14, р. 96]. / «...на купол / камня, который так часто лягает ломовая лошадь, / сел мотылёк», – возможно, аллюзия на то, как «Бабочки пролетали мимо, иногда садясь на зелёный купол [кургана]» [6, р. 41].

А почти заключительные строки стихотворения – “...And then the child’s voice raised the dead. / ‘No one’s been here before’ was what she said” [14, р. 96]. / досл. «...А затем голос малютки воскресил мёртвых. / “Никто не бывал здесь прежде” – вот что она сказала» – отсылают к процитированным выше словам Джеффриса о «юности мира» и воине, погребённом в кургане.

Таким образом, как в прозе, так и в поэзии Э. Томаса, являющейся венцом творчества автора и плодом зрелого мировоззрения, можно увидеть влияние Р. Джеффриса. Во взглядах этих писателей явно прослеживается определённая преемственность, которая отразилась в их произведениях.

Список источников

1. **Cooke W.** Edward Thomas: A Critical Biography. L.: Faber and Faber, 1970. 296 p.
2. **Emeny R.** Edward Thomas: A Life in Pictures. L.: Enitharmon Press, 2017. 272 p.
3. **Jefferies R.** The Amateur Poacher. L.: Smith, Elder & Co., 1881. X+242 p.
4. **Jefferies R.** The Gamekeeper at Home: Sketches of Natural History and Rural Life. L.: Smith, Elder & Co., 1910. 236+XII p.
5. **Jefferies R.** The Hills and the Vale. With an introduction by Edward Thomas. L.: Duckworth & Co., 1909. 316+XXXII p.
6. **Jefferies R.** The Story of My Heart: My Autobiography. L.: Longmans, Green and Co., 1922. 210+XIV p.
7. **Keith W. J.** The Rural Tradition. Hassocks: The Harvester Press, Limited, 1975. 312+XIV p.
8. **Moore J.** The Life and Letters of Edward Thomas. Gloucester: Alan Sutton, 1983. VIII+344 p.
9. **Motion A.** The Poetry of Edward Thomas. L.: The Hogarth Press, 1991. 198+X p.
10. **Smith S.** Edward Thomas. L.: Faber and Faber, 1986. 222 p.
11. **The Last Sheaf:** essays by Edward Thomas / with a foreword by Thomas Seccombe. L.: J. Cape, 1928. 224 p.
12. **Thomas E.** Light and Twilight. L.: Duckworth & Co., 1911. 192+VIII p.
13. **Thomas E.** Richard Jefferies: His Life and Work. Boston: Little, Brown & Company, 1909. 344+XII p.
14. **Thomas E.** The Annotated Collected Poems / ed. by Edna Longley. Tarsset: Bloodaxe Books, 2013. 332 p.
15. **Thomas E.** The Country. L.: B. T. Batsford, 1913. 60 p.
16. **Thomas E.** The Heart of England. L.: J. M. Dent & Co., 1906. 256+XVI p.
17. **Thomas E.** The South Country. L.: J. M. Dent & Co., 1909. 280+XII p.
18. **Thomas P. E.** In the Footprints of Richard Jefferies // Edward Thomas Fellowship Newsletter. 2017. № 78. P. 27-29.
19. **Thomas R. G.** Edward Thomas: A Portrait. Oxford: Oxford University Press, 1987. 332+XII p.

“MOMENTS OF EVERLASTINGNESS”: CONTINUITY OF THE NATURE TOPIC INTERPRETATION IN THE WORKS BY RICHARD JEFFERIES AND EDWARD THOMAS

Talyzina Elena Viktorovna
Samara State Technical University
elanor68@mail.ru

In the article, the influence of the writer of the XIX century Richard Jefferies on the works by the British literary critic and author of non-fiction prose Edward Thomas, who became a poet during the First World War, is analysed. The author considers common to the both writers views on nature and a human’s place in it, which can be called “mystical agnosticism”: despite the disbelief of both the men in the supernatural, nature was a source of spiritual revelations for them; both the writers saw the reflection of the whole long history of the interaction of a human being and nature in the rural landscape. It is shown how the continuity of the views of these two authors is expressed in their works.

Key words and phrases: Richard Jefferies; Edward Thomas; nature topic; “rural” tradition; continuity; eco-history.